

УДК 930.85(571.54)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Амгаланова Мария Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ) E-mail: amgalanova@rambler.ru

Культурное наследие, его сохранение и трансляция, по своей сути является важнейшим способом существования культуры. Все, что было создано человечеством – это наше общее достояние, которое мы обязаны сохранить и передать последующим поколениям. В данной статье рассмотрены духовные ценности бурятского народа, которые, во-первых, представляют собой источник информации о зарождении и развитии национальной советской культуры бурят, во-вторых, имеют огромное значение для самобытности народа, в-третьих, являются вкладом народа в отечественную и мировую культуру и цивилизацию.

Бурятская культура к началу XX века представляла собой сплав культур народов Европы и Азии, формирование, становление и развитие которой было связано с устоями общественной жизни Забайкалья. В дореволюционный период, несмотря на наличие сети светских учебных заведений, религиозный фактор в формировании национального самосознания был достаточно велик. В послереволюционный период становление и развитие бурятской культуры было обусловлено уже не имперской политикой России, но концепцией культурной политики советского государства, диктовавшей создание «новой» советской бурятской культуры.

В становлении и развитии бурятской советской культуры художники, музыканты, писатели использовали богатейшую сокровищницу буддийского искусства и эстетики фольклора, поскольку они занимали доминирующее положение в духовной жизни народа, а кроме того являлись близкой, понятной и доступной художественной формой, как для самих творцов новой культуры, так и для потребителей культурного продукта. Первоначально в развитии жанров изобразительного искусства участвовали иконописцы (О. Будаев, С. Самбуев, Г. Эрдэнийн и др.), а художественная секция при Бурятском ученом комитете осуществляла сбор материалов, в том числе и образцов дацанского искусства, традиций старобурятской иконописной школы, техники письма, технологий изготовления скульптур. Первые музыкальные произведения были созданы, используя все многообразие богатейшего бурятского фольклора. Литература, занимавшая особое место в формировании бурятской советской культуры, также использовала достижения словесного творчества дореволюционного периода: письменная литература, представлявшая собой буддийские памятники на классической старомонгольской письменности (богословского, медицинского, юридического, исторического характера и т. п.), и богатый фольклор (сказки, легенды, предания, изумительный по красоте героический эпос и т. п.).

Ключевые слова: Культурное наследие, советская культура, бурятская культура, изобразительное искусство бурят, музыкальная культура бурят, бурятская литература.

BURYAT CULTURAL HERITAGE AS A FACTOR OF FORMING THE NATIONAL BURYAT CULTURE IN SOVIET PERIOD

Amgalanova Mariya Viktorovna, PhD in Culturology, Docent of Department of Philosophy and Culturology, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: amgalanova@rambler.ru

Cultural heritage, its preservation and transmission are the most important way of existence of culture. Everything created by humanity is the common heritage we must preserve and pass to next generations.

This article describes spiritual values of Buryat people which are an informational source about origin and development of Buryat Soviet culture. Values are very important for the people's identity. They are a contribution of people in national and world culture and civilization.

To the beginning of the XX century, Buryat culture was a fusion of cultures of European and Asian people. Its formation and development related with foundations of social life of Transbaikalie. Despite of existence of secular schools network, the role of religion in formation of national consciousness in pre-revolutionary period was big enough. After the revolution, development of Buryat culture was not due by Russian imperial policy, but the concept of cultural policy of the Soviet state dictated the creation of "new" Soviet Buryat culture.

Artists, musicians, writers participated in establishment and development of Buriat Soviet culture occupied a dominant position in spiritual life of the people. Buddhist art and folklore aesthetics were close, clear and accessible art form for new culture creators and consumers of cultural products. Initially, iconographers (O. Budaev, S. Sambuev, G. Erdeniin, etc.) took part in fine art genres development. Art section at the Buryat Scientific Committee has collected materials, including samples of Datsan art, tradition of early Buryat icon painting school, writing technique, sculptures manufacturing technologies. Rich diversity of Buryat folklore became a foundation of early Buryat Soviet music. Literature had a special place in formation of Buryat Soviet culture and used achievements of verbal creativity of pre-revolutionary period: fiction represented by classical Buddhist monuments in old Mongolian script (theological, medical, legal, historical, nature, etc.), the rich folklore (tales, legends, heroic epic, etc.).

Keywords: Cultural heritage, Soviet culture, Buryat culture, Buryat art, Buryat musical culture, Buryat literature.

Советская культура представляет собой завершенный исторический тип, внутри которого развивались национальные культуры. Становление национальных культур происходило, с одной стороны, согласно общим принципам формирования советской культуры, а с другой – с учетом национального компонента собственной культуры, обусловленной особенностями геоландшафта, хозяйственно-бытовым укладом, ценностными и нормативными установками, философско-эстетическим и религиозным мировоззрением. Бурятская национальная культура в целом развивалась в рамках концепции культурной политики советского государства.

Бурятская культура к началу XX века представляла собой сплав культур народов Европы и Азии, формирование, становление и развитие которой было связано с устоями общественной жизни Забайкалья. Прежде чем говорить о бурятской культуре следует обратить внимание на следующие аспекты. Во-первых, понятия «бурятская культура» и «культура Бурятии» не вполне тождественны. Культура Бурятии включает в себя культуры всех народов, исторически проживавших на этой территории, а бурятская культура – только бурят. Во-вторых, особенности географического положения обусловили уникальность и самобытность бурятской культуры, что было на-

прямую связано с не прекращавшимися историко-культурными взаимовлияниями между различными культурами, находящимися на пересечении цивилизаций Востока и Запада. Переселенцы, политические ссыльные, а в целом, вся система национальной имперской политики принесла на территорию Бурятии западную (русскую) культуру. Восточная культура, в первую очередь тибетская и монгольская, была представлена системой дацанов, дуганов, учебно-просветительских учреждений и тибетской медицины. Бурятская культура имела в своем распоряжении тибетскую и старомонгольскую письменность, ксилографические типографии; кроме того, ее культурным наследием является богатейший фольклор, обрядовые и религиозные праздники, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура. В-третьих, семантически в бурятской культуре исследователи выделяют два пласта: «добуддийский, связанный с автохтонными культурами народов Севера Сибири и Центральной Азии, и буддийский, принесший развитую художественную систему из Индии, Китая, Тибета» [2, с. 14]. Кроме того, уникальность бурятской культуры заключается в существовании исторически сложившихся региональных, лингвистических, религиозных, культурных различий между восточными и западными бурятами. Так, запад-

ные буряты в дореволюционный период исповедовали православие, которое, однако, не смогло полностью вытеснить шаманизм, а восточные буряты с XVIII века приняли ламаизм (одно из направлений буддизма), который сыграл ведущую роль в формировании национальной культуры.

В дореволюционный период, несмотря на наличие сети светских учебных заведений, религиозный фактор в формировании национального самосознания был достаточно велик. Это было связано с тем, что доступность светского образования была ограничена из-за незнания русского языка, отсутствия учебно-методического комплекса, кочевого образа жизни, а преимущество обучения в дацанских школах заключалось в том, что воспитание и обучение велось на бурятском и монгольском языках, кроме того изучали санскрит. Дацаны (буддийский религиозный центр) представляли собой центры просвещения и развития художественной культуры. «По официальной статистике в 1917 году в Бурятии насчитывалось 44 дацана и 15 тыс. лам, 73 дацанских школы, в которых обучались 4 тыс. учащихся» [1, с. 157]. Рост числа дацанов обуславливал рост буддистских монахов, согласно традиции каждая семья должна была отдавать в монастырь одного из двух сыновей.

В послереволюционный период становление и развитие бурятской культуры было обусловлено уже не имперской политикой России, но концепцией культурной политики советского государства, диктовавшей создание «новой» советской бурятской культуры. Ее формирование характеризовалось сложными и неоднозначными социокультурными процессами, что в целом наблюдалось во всех национальных регионах. С одной стороны, повсеместная ликвидация неграмотности, создание систем народного образования и здравоохранения, формирование профессиональной художественной культуры в регионах и особенно в национальных республиках, многие из которых, в том числе и Бурятия, до советского времени не имели профессиональных отраслей культуры, стали не вызывающими сомнений достижениями культурного строительства советского государства. Но, с другой стороны, в соответствии с концепцией Л. Троцкого, вся предшествующая отечественная культура, философия, религия отрицались, а их опыт вы-

черкивался из национального сознания, тем самым «лишая общество культурно-нравственных корней, сосредотачивая устремления и энергию на идею достижения будущего коммунистического “золотого века”» [7, с. 108]. Эта деструктивная сторона культурной политики советского государства достаточно подробно исследована, однако следует учитывать, что это был период сложной идеологической борьбы в столкновении «старой» и «новой» культур.

Такая политика привела к игнорированию, а местами и отрицанию культурного наследия народов. Культуре был нанесен, несомненно, непоправимый урон, поскольку представители науки, культуры, образования были вынуждены уехать из страны, разрушались знаменитые памятники архитектуры и сотни неизвестных церквей, которые, однако, являлись историко-культурным наследием отечественной культуры. В Бурятии, в частности, острыми и актуальными были вопросы об отношении к шаманизму, буддийскому искусству, тибетской медицине. В тезисах пленума (май 1925 года) Бурят-Монгольского обкома партии утверждалось, что «точку зрения некоторой части бурятской национальной интеллигенции, по которой дацаны признаются единственными культурными центрами Бурятии, долженствующими пользоваться со стороны правительства Буреспублики всемерной поддержкой, партия должна решительно отвергнуть» [5, с. 37]. Впоследствии, в конце 1930-х годов, именно за эти взгляды многих видных общественных деятелей культуры обвиняли в контрреволюционной деятельности и шпионаже, в перестройке карты Бурят-Монголии, в «воинственной контрреволюционной, антисоветской и антибольшевистской направленности» [6, с. 319], в определении дацанов как культурных центров республики, связи с религиозными деятелями – ламами и многим другим. До конца 1950-х годов имена Ч.-Л. Базарона, Б. Барадина, Ж. Батоцыренова, Д.-Р. Намжилона, Д. Дашины-маева, Ц. Дондубона, Н. Занданова и др. были под запретом и упоминались только в негативном плане с эпитетами «буржуазные националисты», «трубадуры буржуазии», «панмонголисты», а их произведения не публиковались и не изучались.

Процесс становления, развития и освоения художественной культурой в Бурятии был направлен на то, чтобы превратить художественное

творчество в систему идеологических и эстетических принципов, чтобы на их основе сформировать нравственно-эстетические качества «нового» советского человека. Художественный процесс представлял собой функционирование и развитие всех областей искусства – театра, литературы, архитектуры, живописи – в совокупности, определяемых общим характером и целостностью национальной бурятской культуры.

До революции у бурят имелось развитое декоративно-прикладное искусство, со второй половины XIX века появились ремесленные центры, специализировавшиеся на искусстве литья, чеканщиков и резчиков по металлу, дереву, плетению и теснению по коже, иконописцев, мастеров полихромной росписи, «первоначальные навыки рисунка и живописи будущие художники получали у школьных учителей, художников при дацанах» [5, с. 103].

В «Очерках истории культуры Бурятии» отмечается, что традиции изобразительного искусства дореволюционной Бурятии были ограничены кругом используемых орнаментальных мотивов, были замкнуты в самой себе [4, с. 240]. Однако это было не совсем так. Т. А. Бороноева в своей работе «Графика Бурятии» выделяет в результате эволюции в буддийском искусстве появление таких жанров, как пейзаж, портрет, историко-бытовые картинки; становление и развитие традиционной бурятской графики в контексте фольклорной традиции и даже наличие «школь», включающей в себя компоненты культур Индии, Китая, Тибета и Монголии; нарастание светских, реалистических тенденций в жанре житийной иконы [2, с. 35]. Таким образом, у бурят, помимо художественных традиций декоративно-прикладного искусства имелись самобытные, разнообразные достаточно развитые традиции и собственно изобразительного искусства. Тем более, что направление традиционной бурятской графики стало «связующим звеном между буддийской изобразительной традицией и реалистическими тенденциями нового времени» [2, с. 36].

Развитие жанров изобразительного искусства в 1920-х годах проходило в двух плоскостях: народное самодеятельное творчество и профессиональное искусство. В процесс национально-культурного строительства включаются иконо-

писцы (О. Будаев, С. Самбуев, Г. Эрдэнийн и др.) и самодеятельные художники (И. Аржиков, И. Дадудев, Ц. Сампилов, А. Хангалов и др.). Возглавляемая П. Н. Дамбиновым художественная секция при Бурятском ученом комитете, снаряжала молодых начинающих художников в экспедиции в районы и дацаны республики по сбору материалов, в том числе и образцов дацанского искусства, традиций старобурятской иконописной школы, техники письма, технологий изготовления скульптур. В этот период появляются принципиально новые для бурятской живописи жанры газетной графики и иллюстрирования книг. Зародилась выставочная деятельность. Ц. Сампилов участвовал в оформлении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве (1923 год); работы Ц. Сампилова, Р. Мэрдыеева, О. Будаева, Г. Эрдэнийна, Б. Будаева были представлены на всесибирских выставках в Новосибирске и Иркутске (1927 год); Художественная секция организовала ряд крупных выставок к 10-летию революции (1927 год), к 5-летию республики (1928 год).

Примечательно, не только то, что на выставках были представлены работы, написанные в традициях буддийского искусства, но и то, что им была дана высокая оценка столичных критиков, ратовавших за «использование богатого наследия ламаистской культуры и призывавших привлечь на общую выставку больше дацанских мастеров иконописцев и скульпторов» [2, с. 43].

Конечно, становление бурятского изобразительного искусства не миновало основных идеологических клише своего времени, что достаточно подробно рассмотрено в исследованиях И. И. Соктовой, Т. А. Бороноевой и др. В своих работах они отразили основные тенденции становления и развития бурятского изобразительного искусства. Это были противоречивые тенденции, с одной стороны, связанные с традициями буддийского искусства, а с другой – стремление шагать «в ногу» с эпохой и соответствовать требованиям, выдвинутым как актуальные, например, показывать «картины осуществления на деле такого общественного устройства, при котором не будет эксплуатации человека человеком» [8, с. 3].

В становлении бурятской музыкальной культуры особое значение имели Бурят-Монгольский ученый комитет (Буручком) и научное общество

им. Д. Банзарова, осуществлявшие сбор, хранение и научное исследование фольклорного музыкального материала, народных музыкальных инструментов. Также они занимались пропагандой музыкального искусства, что было немаловажно, поскольку до революции 1917 года в Бурятии «не существовало ни одного музыкального учебного заведения, отсутствовали профессиональные театральные и концертные коллективы» [3, с. 17]. Однако к концу 1930-х годов были написаны первые музыкальные произведения сложных жанров, с использованием всего многообразия богатейшего бурятского фольклора: симфоническая поэма «Героический марш Бурят-Монгольской АССР» Р. М. Глиера (1937), опера М. П. Фролова «Энхэ-Булат-батор» (1939), музыкальные драмы «Баир» П. М. Берлинского и Б. Б. Ямпилова (1939) и «Эржэн» В. И. Морошкина (1939). Как отмечает Я. О. Жабаева, «яркая национальная основа народных мелодий, песен, танцев, инструментальных наигрышей на лимбе, хуре – обрели новую жизнь в профессиональной музыке» [3, с. 20].

Особое место в формировании бурятской советской культуры занимала литература. До начала XX века у бурят было два вида словесного творчества: письменная литература, представлявшая собой буддийские памятники на классической старомонгольской письменности (богословского, медицинского, юридического, исторического и т. п. характера), и богатый фольклор (сказки, легенды, предания изумительный по красоте героический эпос и т. п.).

Однако большинство начинающих бурятских писателей не обладали литературным опытом и профессиональным мастерством, поэтому в своем творчестве они обращались к фольклорному наследию, которое было близко и понятно зрителям. Особое внимание начинающие писатели обращали на изумительный по красоте и разнообразию героический эпос, который был ступенью культурного самосознания этноса. При обращении к фольклорной поэтике сказителей (улигершинов) бурятские писатели становились носителями особой выразительности национального мироощущения. Фольклорные и мифопоэтические традиции борьбы Добра со Злом помогали изображению современных им трагических и драматических коллизий жизни человека. Фольклорная эстетика давала возможность не только в создании отдельных образов, но также в формировании национального художественного сознания для создания национальной бурятской литературы.

Таким образом, в духовной жизни бурятского народа традиции буддийской культуры, эстетика фольклора занимали доминирующее положение и на начальном этапе становления новой бурятской советской культуры оставались близкой, понятной и доступной художественной формой. Обращение к национальному культурному наследию создавало благоприятную почву и давало возможность для смены культурных парадигм, изменения традиционных способов воплощения ценностных представлений, формирования профессиональной художественной культуры.

Литература

1. Балдано С. В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII – начало XX века) // *Власть*. – 2011. – № 6. – С. 157–160.
2. Бороноева Т. А. *Графика Бурятии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ: Ассоциированный член Изд-ва СО РАН, 1997. – 127 с.: ил.
3. Жабаева Я. О. *Становление и развитие профессиональной музыкальной культуры Бурятии: 1923–1945 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. – Улан-Удэ, 2006. – 24 с.
4. *Очерки истории культуры Бурятии: в 2 т.* – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – Т. 2: Советский период. – 647 с.
5. Санжиева Е. Г. *Формирование и развитие культуры Бурятии в советский период*. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2008. – 214 с.
6. Соктоев А. Б. *Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода*. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 489 с.
7. Солдаткина Я. В. *Национальное мирознание «Сталинской эпохи»: советская культура и русская эпическая проза // Обсерватория культуры*. – 2009. – № 5. – С. 108–112.
8. Хузина Т. Е. *Предметный мир советской живописи 1930-х годов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения*. – СПб., 2009. – 24 с.

References

1. Baldano S.V. Formirovanie natsional'noy intelligentsii i stanovlenie khudozhestvennoy kul'tury (XVIII – nachalo XX veka) [The formation of national intelligence and establishment of buryat culture (XVIII beginning XX century)]. *Vlast' [Power]*, 2011, no. 6, pp. 157-160. (In Russ.).
2. Boronoeva T.A. Grafika Buryatii [The graphite of Buryatia]. Ulan-Ude, BNTS Publ., Assotsiirovannyy chlen Izd-va SO RAN Publ., 1997. 127 p. (In Russ.).
3. Zhabaeva Y.O. Stanovlenie i razvitie professional'noy muzykal'noy kul'tury Buryatii: 1923–1945 gody. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk [The establishment and development of professional musical culture of Buryatia: 1923-1945 years. Author's abstract of diss. PhD in History]. Ulan-Ude, 2006. 24 p. (In Russ.).
4. Ocherki istorii kul'tury Buryatii. Tom 2. Sovetskiy period [Essays on the history of culture of Buryatia. Volum 1. Soviet period]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1974. 647 p. (In Russ.).
5. Sanzhieva E.G. Formirovanie i razvitie kul'tury Buryatii v sovetskiy period [The formation and development of Buryat culture of Soviet period]. Ulan-Ude, IPK VSGAKI Publ., 2008. 214 p. (In Russ.).
6. Soktoev A.B. Stanovlenie khudozhestvennoy literatury Buryatii dooktyabrskogo perioda [The establishment of Buryat imagination literature of pre-October period]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1976. 489 p. (In Russ.).
7. Soldatkina Y.V. Natsional'noe mirosoznanie "Stalinskoy epokhi": sovetskaya kul'tura i russkaya epicheskaya proza [National world-consciousness of epoch of Stalin: soviet culture and Russian epic prose]. *Observatoriya kul'tury [Cultural Observatory]*, 2009, no. 5, pp. 108-112. (In Russ.).
8. Khuzina T.E. Predmetnyy mir sovetskoy zhivopisi. Avtoreferat diss. kand. iskusstvovedeniya [The subject sphere of soviet art. Author's abstract of diss. PhD in Art History]. St. Peterburg, 2009. 24 p. (In Russ.).